

Андреев Николай

18+

Марионетка

Книга 1

Николай Андреев
Марионетка. Книга 1

«ЛитРес: Самиздат»

1998

Андреев Н. В.

Марионетка. Книга 1 / Н. В. Андреев — «ЛитРес: Самиздат»,
1998

Первая книга из серии приключений поэта Василия Романова. Поэт Романов по заказу незнакомки пишет для литературного журнала рассказ о криминальных событиях, участником которых ему в скором времени предстоит стать.

Содержание

11 февраля.	5
12 февраля	9
27 февраля	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Николай Андреев

Марионетка. Книга 1

11 февраля.

Василий Романов – невысокого роста шуплый сорокалетний мужчина, одетый в черные мятые брюки и серый вязаный свитер, из-под ворота которого выглядывал узел небрежно повязанного галстука, не спеша подошел к окну, сложил руки на груди и, раскачиваясь взад-вперед, принялся наблюдать за тем, как во дворе редакции литературного журнала «Родная речь», расположенного на первом этаже обыкновенного жилого дома, мальчишки гоняли шайбу.

– ...Скажи, ты же не хочешь, чтобы меня выгнали с работы, правильно? – все то время, пока он смотрел в окно, Игорь Скобляков – редактор журнала, не переставал бубнить у него за спиной.

Романов бросил взгляд на малыша, завопившего от радости по поводу забитого гола, взял с подоконника журнал и медленно перелистал его.

– Ничего я, Игорь, не хочу... Мне одно не понятно. Вы из номера в номер печатаете всякую, извини меня за выражение, белиберду, и никого это не волнует. Но стоит мне принести подборку стихов, как вы тут же вспоминаете для чего сюда приставлены! «...Недостаточность ассоциативных связей! Размытость образов! Отсутствие рифм!» – Романов забарабанил пальцами по столу. – Ты вообще-то, Игорек, в поэзии разбираешься, или как? Раньше вроде разбирался.

Отодвинув от себя лежащую на столе рукопись, Скобляков зевнул.

– Разбираюсь. И поэтому еще раз скажу.: многое из того, что ты в этот раз принес, требует серьезной доработки. И потом... На днях Январский прислал свою новую поэму. Усёк?

– А то!

– Ну вот. Напечатаем ее, а затем, через пару-тройку номеров, глядишь, может, и до твоей подборки очередь дойдет. Если, конечно, уберешь оттуда все непристойности.

– Чего?

Бросив опасливый взгляд на Романова, Скобляков вынул из лежащей на краю стола папки отпечатанный лист бумаги и быстро пробежал его глазами.

– Ага... – нашел он нужное место. – Ну, вот взять хотя бы для примера твоего «Соловья»... Послушай-ка!

Игорь наклонился над столом. Поправил очки и, сложив губы в саркастическую усмешку, громко прочитал:

«Только пью я – не пою,

не пишу.

Стал подобен соловью -

алкашу.

Эй, хозяйюшка! Налей-

ка винца!

Соловья ты пожалей,

подлеца».

Скобляков поднял голову и укоризненно посмотрел на Романова.

– Ну что это такое? Вот только не надо мне говорить, что главное в литературе – не то, о чем пишешь, а то, как. Не надо! Все равно Калистратов не пропустит. И мне еще, чего доброго, от него попадет.

Произнеся с многозначительным видом имя главного редактора журнала и тем самым как бы заручившись его поддержкой, он развел руками, дескать, какой с меня спрос, и демонстративно уткнулся носом в лежащую на столе рукопись.

– Значит, не напечатаете? – спросил Романов.

Не поднимая глаз, Игорь Скобляков ответил: нет. Перевернул страницу и принялся деловито водить карандашом по строчкам текста.

– Тогда дай двести рублей. Жить не на что.

– До полочки?

– До неё.

Не отрываясь от рукописи, Скобляков привстал со стула. Наклонился и достал из заднего кармана брюк деньги.

– На! – протянул Романову сторублевую купюру. – Да, кстати! А когда у тебя полочка? Ты же говорил, нигде не работаешь?

Романов взял деньги. Направляясь к вешалке, сказал, что полочка у него будет тогда, когда в журнале «Родная речь» ему выплатят гонорар.

Скобляков вскочил со стула.

– Отдай мои деньги!

Романов остановился. Спросил: в чем дело.

– Ты же сам только что сказал, что напечатаете меня сразу после Январского? Через два номера!

– Я сказал: отдай!

Романов удивленно пожал плечами. Постоял, подумал и, аккуратно расправив купюру, положил ее на редакторский стол.

– Вот, забирай. Только ради бога не плачь. Хорошо?

Он хотел сказать что-нибудь обидное, например, о том, что деньги портят людей, но вовремя спохватился, вспомнив, что Скобляков, который всю жизнь проработал в редакциях различных изданий, где оклады редакторов редко превышали заработки технического персонала, в деньгах нуждался едва ли не больше его самого.

– Ладно, Игорек, не обижайся. Просто совсем что-то в последнее время с деньгами туго стало. Думал, хоть аванс у вас выпрошу.

Романов огорченно махнул рукой. Снял с вешалки дубленку, шапку и, не попрощавшись, направился к выходу.

– Подожди!

Скобляков взял со стола отрывной календарь. Отыскал нужный листок и, оторвав его, протянул Романову.

На вопрос: что это, ответил: шабашка.

– Несколько дней назад Калистратов прислал ко мне одну кралю с просьбой помочь написать рассказ. Обещала хорошо заплатить.

– Что за рассказ?

– Да так. – Скобляков пожал плечами. – Обычная ерунда... Ты справишься.

Романов взял листок.

– Полина Петренко, – прочитал он. – А телефончик-то сотовый!

– Да. И сама она тоже ничего.

– А ты чего не напишешь?

Скобляков вышел из-за стола. Подошел к Романову и, поправив ему воротник, заметил, что такие рубашки вышли из моды еще в позапрошлом году. Потом вернулся на свое место и сказал, что стихи писать гораздо интереснее.

– К тому же не получается что-то у меня, Вася, с прозой. Понимаю, как надо писать, и как хорошо писать тоже понимаю, а не могу. Вернее, могу, но не хорошо... В общем, некогда

мне этими глупостями заниматься. – Скобляков взял со стола рукопись. Подержал ее на весу несколько секунд и бросил перед собой. – Заработаешь, бутылку-то поставишь?

Пообещав поставить две бутылки, Романов нахлобучил на уши норковую шапку. Помахал на прощание рукой и, не оборачиваясь, быстрым шагом вышел из кабинета.

Романов сидел в кресле перед выключенным телевизором и вспоминал разговор со Скобляковым. Спорил с ним, доказывал то, что не сумел доказать при встрече, извинялся за свое поведение и то и дело мысленно возвращался к тем дням, когда из преуспевающего поэта и бизнесмена превратился в мелкого попрошайку.

Он откинулся на спинку кресла и, закрыв глаза, прошептал:

– А ведь как всё замечательно начиналось...

Начало профессиональной карьеры Романова было и в самом деле неплохим. Окончив университет с красным дипломом, он поступил в редакцию молодежной газеты, где несколько лет проработал с Игорем Скобляковым и Никитой Малявиным, ныне известным в городе тележурналистом – автором и ведущим передачи «Криминальный репортаж», выпустил сборник стихов и без проблем вступил в Союз писателей СССР. В начале перестройки, занявшись, как и многие из его друзей бизнесом, открыл одно из первых в городе кооперативных кафе. Через год расширил бизнес, через два купил машину, через три – большую квартиру в престижном районе города и при этом ни разу ни перед кем не унижался. И только полгода назад, когда потерял всё, что может потерять бизнесмен: дело, деньги, а следом за этим друзей и семью, он понял: быть гордым и бедным, если ты не шотландец, невероятно сложно... Много позже, последовательно взвесив обстоятельства, приведшие к банкротству, Романов пришел к мысли, что главным виновником свалившихся на него неудач является он сам. Точнее, его категоричное нежелание, подобно своим многочисленным братьям-бизнесменам, постоянно находиться среди людей, заводить и поддерживать нужные знакомства, отвечать на бесконечные телефонные звонки, пить, посещать всевозможные деловые ужины, нередко переходящие в не деловые завтраки, пить, и при этом не забывать о деле, ради которого изо дня в день мучаешь себя. Поэтому нет ничего удивительного в том, что при таком ведении дел у него вскоре появились конкуренты, стараниями которых цены в самый неподходящий момент резко упали вниз, а проценты по взятым кредитам – вверх. Романов поначалу сопротивлялся, но вскоре осознал: если он не хочет до конца своих дней не прятаться от милиции с бандитами, надо продавать бизнес, пока еще есть что продавать, и срочно рассчитываться с кредиторами.

Разобравшись с вопросом «кто виноват?», Романов загрустил, ибо со вторым русским вопросом «что делать?» было всё предельно ясно – делать было нечего. Нечего, потому что, ничего делать в свои сорок лет, как оказалось, он толком не умел. Журналист из него не получился, бизнесмен тоже, и единственным делом, в котором он считал себя специалистом, была поэзия и водка.

Но и тут всё обстояло не так, как хотелось бы. А точнее, совсем не так.

Выросший в семье интеллигентов, где слова: «Россия», «духовность», «идея» звучали значительно чаще, чем: «магазин», «очередь», «деньги», где родители могли часами напролет цитировать Пушкина и не могли запомнить цены на товар, она состояла более чем из трёх цифр, Романов откровенно стеснялся своей работы и при малейшей возможности старался показать, что не бизнес – поэзия является его настоящим призванием. И вот теперь, после того, как Скобляков, к чьему мнению он прислушивался, посчитал его стихи недостаточно хорошим для того, чтобы быть опубликованными в журнале, Романову показалось, будто ему плюнули в душу, а заодно лишили, казалось бы, гарантированного куска хлеба.

Правда, оставалась еще водка, но и тут его ждало разочарование.

Позвенеv в кармане мелочью, он понял, что для пьянки у него не хватает капитала, и окончательно загрустил. Не зная, чем заняться, встал с кресла, вытащил листок календаря, еще раз прочитал то, что было написано на нем, и позвонил.

Ему ответил мягкий спокойный женский голос.

Разволновавшись, Романов довольно сумбурно, как ему показалось, объяснил цель своего звонка. Однако Полина Петренко, ответившая на звонок, с первых слов поняла, о чем идет речь. Внимательно выслушала и после нескольких вежливых фраз назначила встречу на следующее утро.

12 февраля

Полина пришла раньше, чем обещала. Скинув с плеч легкую длинную шубку, вышла в сопровождении Романова на середину зала и, приподнявшись на цыпочки, с интересом осмотрелась по сторонам.

Тонкая, высокая, чуть выше Василия, яркая блондинка, она была одета в серые облегающие бедра брюки и тонкий вязаный свитер.

Приглядевшись, Романов дал ей двадцать пять лет. Поговорил немного и дал тридцать. Поговорил еще чуть-чуть и пришел уже к окончательному выводу о том, что его гостье никак не меньше тридцати пяти.

«А впрочем, – подумал он, – всё это ерунда! Главное, не то, сколько ей на самом деле, а то, что принадлежит она к той редкой породе женщин, которые, достигнув определенного возраста, живут согласно придуманному ими летоисчислению и небезуспешно соответствуют ему. Поэтому, какая бы дата рождения не стояла у таких женщин в паспорте, им еще многие годы будут давать двадцать пять».

Несмотря на скромную одежду, Петренко не производила впечатления человека, привыкшего экономить в магазинах мод. И может быть, поэтому Романову стало необыкновенно приятно от мысли о том, что на встречу с ним она оделась именно так: по-свойски, без дорогих изысков, просто и со вкусом.

Закончив осмотр комнаты, Полина остановила свой взгляд на хозяине.

– Хорошая квартира, – улыбнулась ему. – Сколько комнат?

– Четыре.

– Один живете?

– Что, заметно?

Полина пожалала плечами и еще раз улыбнулась.

Романов понимающе кивнул, дескать, вижу, что заметно, можете не отвечать, и указал рукой на кресло. Дождался, когда она сядет и, подтянув на коленях брюки, уселся на диван.

Спросил: чем он может помочь.

Полина задумалась.

– Не знаю, с чего и начать...

– А вы начните с начала!

– Хорошо! Видите ли, Василий...

– Сергеевич.

– Да... Видите ли, Василий Сергеевич. Есть у меня один хороший друг. И мы с ним тут недавно поспорили...

Она извинилась. Вытащила из сумочки носовой платок и приложила к носу.

Пока Полина приводила себя в порядок, Романов глядел на нее, и откровенно любовался. Всё в ней ему нравилось. И то, как она вела себя – предельно просто и вместе с тем вежливо, и то, как она, пытаясь объяснить цель своего визита, волновалась, но больше всего ему нравилось в ней то, что она, красивая и, видимо, не бедная женщина, всеми силами старалась завоевать его расположение.

– Если можно, расскажите поподробнее, – попросил он. – Не стесняйтесь.

Полина благодарно улыбнулась и перешла на деловой тон.

– Хорошо. Как я уже говорила, у меня есть близкий друг, чьей дружбой я очень дорожу. Поэтому я всегда, в любой ситуации, стараюсь не только производить на него благоприятное впечатление, но и, по возможности, не разочаровывать в мелочах... Вы меня понимаете?

Романов молча кивнул.

– Но недавно случилось так, что я... как бы вам сказать?.. несколько переоценила свои возможности. Я поспорила с ним, что смогу не только написать небольшой рассказ, но даже опубликовать его в каком-нибудь приличном журнале. А он, представьте себе, возьми да согласишься! Я, конечно, старалась, как могла, но... – Полина беспомощно развела руками, – оказалось: написать рассказ совсем не то же, что и сочинение в школе! Вы представляете?

Романов представлял.

– Ну вот! – неизвестно чему обрадовалась Полина. – А срок пари истекает меньше, чем через два месяца. В апреле.

– Вы хотите, чтобы я написал за вас рассказ? – спросил Романов.

– Да. Если можно.

– И чтобы авторство этого рассказа принадлежало вам?

– Естественно.

Встав с дивана, Романов молча прошелся по комнате.

– Ну что ж... В общем-то, я не против. Но хочу предупредить сразу: это не так просто, как вам, может быть, кажется.

– Почему? – спросила Полина. – Ах, да, это! Я вам, разумеется, хорошо заплачу! Сколько?

– Я о другом, – поморщился Романов. – Вы не понимаете... Написать рассказ – полдела, надо чтобы его еще и напечатали в журнале. Ведь, если я вас правильно понял, именно это является главным условием пари?

– А в чем, собственно, проблема? Ведь вы, как мне сказали, член союза писателей! Поэт!

– Ну и что с того, что член союза! Это, знаете ли, не гарантия того, что тебя все будут печатать. Тем более что вкусы нынешних редакторов совершенно непонятные. Кому-то могут не понравиться ассоциативные связи, у кого-то появятся претензии к раскрытию образа героя второго плана, а кому-то может просто не приглянуться твоя новая рубашка. – Романов сел на место и поправил воротник. – Скажу вам больше, бывали случаи, когда писатели становились всемирно известными благодаря своим произведениям, которые до этого отвергли десятки издателей и...

– И кто решает эти вопросы в журнале «Родная речь?» – перебила Полина.

– Ну, – задумался Романов, – Калистратов решает, Скобляков...

– Калистратов – это тот, который главный редактор?

– Да.

Полина на секунду задумалась.

– В таком случае... я думаю, проблем у нас не будет.

– Откуда такая уверенность? Вы что, знакомы с ним?

– Да. То есть, нет... У меня есть друзья, которые с ним в хороших отношениях.

И без того плохое настроение Романова, окончательно испортилось.

«Вот ведь я, приличный поэт, – думал он, поглядывая на Полину, которую, как ему казалось, распирало от сознания принадлежности к классу людей, для которых нет ничего невозможного в этом мире, – не могу издать десяток своих стихотворений. Может быть, не столь хороших, как у Январского, но тоже неплохих, а между тем эта краля, похоже, даже не сомневается в том, что всё, что она не принесет в журнал, будет немедленно напечатано... Хозяйка жизни, блин».

– Ладно! – хлопнул себя по коленям. – Что вы хотите, чтобы я вам написал? Историю несчастной любви, рассказ о вашем трудном детстве или...

– Триллер!

– Триллер? – Романов с удивлением посмотрел на Полину. – Почему именно триллер?

– Просто так. Хочется.

Романов перевел задумчивый взгляд на книжный шкаф, где среди книг его любимых поэтов золотого века где-то завалился томик Чейза.

Спросил: о чем должен быть триллер.

– О ментах?

– Нет! – Полина повернулась к нему и быстро заговорила: – Сюжет я уже придумала. И даже записала. Вот, послушайте! – Она вытащила из сумочки исписанные мелким подчерком листы бумаги и принялась с выражением читать: – Журналист одной газеты, назовите его как хотите, получив гонорар, пришел вечером в ресторан «Вечерние огни», где случайно встретил своего бывшего одноклассника Юру Головина. Они вспомнили молодость. Головин рассказал журналисту, что работает водителем у криминального авторитета Тяжа, который в это же самое время сидел в отдельном кабинете с другим авторитетом – Самсоном, и выяснял отношения...

Романов встал. Прошел к окну, отодвинул занавеску и выглянул во двор. На дворе было холодно и вьюжно.

– Был я в кабаке с таким названием, – произнес он задумчивым голосом. – Был... А скажите, не много ли авторитетов на один квадратный дециметр текста? Как вы считаете?

Полина вспыхнула. Покраснела, потом, тщательно подбирая слова, тихо произнесла:

– Василий Сергеевич, давайте договоримся сразу. Если вы успеете написать рассказ к сроку, я заплачу вам пятьсот долларов. Ровно пятьсот! Но за это, пожалуйста, пообещайте мне, что сразу после того, как я заберу рассказ, вы забудете о нем. И еще. Вы должны строго следовать сюжету и не спорить со мной. Даже по пустякам... Договорились?

Подождав, когда Романов обдумает выдвинутые условия, Полина снова улыбнулась. Стараясь не быть чересчур ехидной, спросила: не многого ли она требует от него.

Романов молчал. То и дело путаясь в цифрах, он переводил доллары в рубли и прикидывал, на какой срок ему хватит этих денег. По самым скромным расчетам выходило, что если не шиковать – месяца на два, на три, а если при этом разумно экономить, больше.

– Если я вас правильно понял, это должен быть короткий рассказ?

– Да, небольшой

– Ну что ж! – согласился Романов. – В конце концов, что бы там эстеты не говорили, но главное в литературе – не то, о чем пишешь, а то, как.

Он весело рассмеялся и предложил Полине перейти на кухню.

Ему было хорошо. За чаем, слушая вполуха дурацкий рассказ о том, как один большой жулик украл у другого большего жулика большие деньги, Романов думал о Полине. Ему казалось, что он знаком с нею уже тысячу лет, и потому была какая-то, на его взгляд, дикая несправедливость в том, что они всё еще не настолько близки между собой, чтобы она в разговоре с кем-то другим могла случайно обронить: «У меня есть близкий друг... Его зовут Василий».

Несмотря на то, что давно стемнело, Романов продолжал сидеть на диване и смотреть в черный экран телевизора.

«Везет же некоторым! – думал он о Полине. – Один хороший друг её одевает, другой – пишет рассказы, третий – печатает их в журнале, а она ходит от одного к другому, собирает дань и улыбается».

Вспомнив об обещанном гонораре, Романов нехотя встал с дивана. Сел за письменный стол, включил настольную лампу, достал из ящика чистый лист бумаги, вставил его в пишущую машинку и после длительного раздумья написал первую строчку:

«Журналист Александр Матвеев, как и большинство нормальных журналистов, часть гонорара пропивал».

Дважды перечитал фразу, поморщился. Хотел зачеркнуть, однако, подумав, решил: сойдет и так, и принялся писать дальше.

«Получив в бухгалтерии деньги, он вышел из здания редакции. Постоял возле подъезда, покурил и направился пешком в ресторан «Вечерние огни» – единственное питейное заведение города, в котором еще не бывал...»

Романов писал всю ночь. Он настолько увлекся этим занятием, что не заметил, как наступило утро. Оторвав голову от стола, поглядел в сторону окна и выключил ставшую ненужной лампу. Встал, несколько раз присел, разминая затекшие ноги, и после некоторого раздумья отправился спать.

Однако заснуть сразу не удалось. Написанные за ночь фразы, не давая расслабиться, продолжали крутиться в голове и слагаться в придуманный Полиной сюжет...

«В ресторане было сумрачно. Двигаясь в поисках свободного столика, Матвеев в углу зала внезапно увидел своего школьного товарища Юру Головина. Юра сидел один и грустно глядел на сцену, где полуголые танцовщицы азартно отплясывали ламбаду.

– Привет, Башка! – перекрикивая звуки музыки, радостно воскликнул Александр.

Юра недовольно поднял голову. Узнав в атлетично сложенном сорокалетнем мужчине своего бывшего одноклассника, вскочил на ноги и, улыбаясь во весь рот, стиснул Матвеева в своих объятиях.

– Глазам своим не верю! Ты ли это, Санек?

– Я.

– А так сразу и не узнаешь! Хорошо выглядишь, чертяка!

– Ты тоже.

– А... – махнул рукой Головин. – Бывало и лучше.

Пригласив Матвеева за стол, Юра наполнил рюмки.

На радостях они выпили одну рюмку, вторую, третью... Головин захмелел. Облокотившись на спинку стула, он посмотрел на Матвеева и громко рассмеялся.

– Ну, рассказывай, Санек. Как живешь, где, с кем... А я, если хочешь знать, живу с твоей бывшей подружкой.

– С Ириной Каюмовой?

– Не забыл еще, как звать-то ее, а?

Матвеев не забыл. Он вынул сигареты, посмотрел на сцену, где танцовщицы поочередно исполняли танец живота, и перевел взгляд на Головина.

– Ну а ты как живешь? – меняя тему разговора, спросил он. – В смысле, не с кем, это я уже понял, а в смысле, чем. Чем занимаешься?

Головин приложил к губам указательный палец.

– Т-с-с! – зашипел он. – Ты про Тяжа что-нибудь слышал?

Матвеев тоже слегка опьяневший, отрицательно покачал головой.

– Ну! – неодобрительно загудел Юрка. – Это же та-а-акой авторитет!

Александр пренебрежительно махнул рукой.

– Я тоже у себя в редакции авторитет. И что? Спроси здесь, в ресторане, знает ли кто Матвеева? – Александр покачал указательным пальцем. – Скажут, не знаем мы такого, и знать не хотим. Давай выпьем!

– погоди. – Головин отстранил протянутую ему рюмку. – Тебе про белогорских что-нибудь известно?

– Это про тех, кто бандиты?

Головин усмехнулся.

– Пусть будут бандиты. Так вот, Тяж там самый главный. А я у него водила... Катаю его на «Мерседесе». Понял?

Матвеев с удивлением посмотрел на Юру Головина. Расстроено покачал головой.

– Так ты, Башка, в криминал подался?

– Давай выпьем! – Головин опрокинул в себя полную рюмку и, внимательно посмотрев на Александра, усмехнулся. – Так ведь, милый, не только известным журналистам по дорогим кабакам шастать хочется.

В этот момент к их столику подошел хорошо одетый длинноволосый, солидный мужчина лет пятидесяти. Он поманил Головина пальцем, и тут же, не дожидаясь, когда тот встанет из-за стола, направился в сторону фойе.

Юра вскочил и поспешил за ним.

Назад он вернулся минут через пять. Вытерев пот со лба, залпом выпил рюмку. Расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и свободно вздохнул.

– Знаешь, кто это? – спросил Матвеева. – Самсон! В миру – Петраков Сергей Захарович.

– Самсон? – задумался Александр. – Кажется, я где-то уже слышал это имя. Это вроде тоже какой-то бандит, да?

– Ну, уж он-то точно не бандит, – возразил Головин. – Может, и был им когда-то в молодости... то есть точно был, а сейчас, запомни, это уважаемый в городе бизнесмен. Ему, кстати, этот кабак принадлежит.

Матвеев задумался.

– Да, да, припоминаю, наша газета что-то писала об этом. Сначала ресторан «Вечерние огни» вроде принадлежал какому-то бедолаге... не помню, как его звали. Потом при загадочных обстоятельствах он погиб, а кабак перешел в собственность фирмы, фактическим владельцем которой являлся бизнесмен то ли с тремя, то ли с четырьмя судимостями... Смотри-ка ты! – удивился он, поворачиваясь вслед ушедшему Самсону. – А по его виду и не скажешь.

– Так ведь тюрьмы, этапы, лагеря – всё в прошлом. Теперь это уважаемый в обществе человек, меценат. Кстати, не удивлюсь, если окажется, что он единственный в городе бизнесмен, кто исправно платит налоги с легального бизнеса.

– А что, – спросил Александр, – есть еще нелегальный?

Головин удивленно посмотрел на него.

– А для чего, по-твоему, он кормит такую ораву бойцов... Но тс-с-с... – Юра еще раз приложил указательный палец к губам. – Что-то я слишком разболтался... Да еще перед журналюгой.

– Да ладно, тебе, Башка, – обиделся Матвеев, – ты же знаешь, я на эти темы не пишу... И вообще, если хочешь молчать, давай, будем молчать. Но только не выживайся, ради бога! Я тебя прошу!

Головин рассмеялся. Взяв в руки графин, налил в знак примирения Александру водки чуть больше, чем себе и предложил выпить.

Теперь уже Матвеев отстранил протянутую рюмку. Спросил: чего Самсону от него надо.

Головин задумчиво посмотрел по сторонам, словно решая, стоит ли говорить об этом, потом показал взглядом на ширмы, отделяющие кабинеты от общего зала, и тихо прошептал:

– Тут между Тяжем и Самсоном непонятки возникли... Решить им кое-что между собой надо. Вон там они сидят.

– Ты, давай, не увиливай, – продолжал настаивать Александр. – От тебя-то чего ему надо... Ты, водила с Нижнего Тагила?

Головин хитро усмехнулся.

– Я так думаю, что они там у себя решили выкурить трубку мира.

– А ты здесь причем?

– А при том, что я им сейчас табачок подбросил.

– Какой табачок? – не понял Матвеев.

– Травку.

Александр ахнул:

– Так ты, Башка, еще к тому же и барыга?

Головин нахмурился. Взяв графин, он, осмотрел его и поставил обратно на стол.

– Никакой я не барыга. А впрочем, всё, проехали! Давай тяпнем по последней, и будем на девочек смотреть... Гляди, какие красавицы!

Они выпили, а после, молча, уставились на сцену, где ансамбль из шести танцовщиц исполнял канкан.

Захмелевший Матвеев во все глаза глядел на сцену и не мог понять, что это такое: танец или стриптиз. Почти обнаженные девицы с одинаковыми прическами и цветом волос высоко задирали ноги, громко визжали и то и дело показывали публике голые задницы.

– Ну, как, нравится? Ничего девочки? – Юрка толкнул локтем Александра. – Хочешь, познакомлю?

– Ага, – засмеялся Александр, – вон с той, второй с права от тебя.

– Это с той, что ли? – Головин указал пальцем на одну из танцовщиц. – Не угадал. Давай дальше.

– Это почему не угадал? – не согласился Матвеев. – Хочу ее!

– Боюсь, дорого она тебе обойдется. Это, что б ты знал и не дергался, Наденька Кислицына – подруга Самсона.

– Понял. Виноват. Больше не повторится. – Александр приложил ладонь к правому виску. – Позвольте еще одну попытку?

– Валяй!

– Тогда хочу вон ту, крайнюю, рядом с Наденькой.

Головин нахмурился и отрицательно покачал головой.

– Давай дальше!

– А это еще почему?

– А потому, что Оксана Марфина – подруга одного моего кореша, можно даже сказать, брата. Кстати, у нее сегодня первое выступление.

– Дебют?

– Ага, он самый! Ее кореш откуда-то с юга привез и сразу сюда устроил. Хорошая девочка! – причмокнул Юра.

– А твой кореш-брат на одну ночь часом не подвинется?

Головин удивленно посмотрел на Александра.

– Ну, ты и наглец! – рассмеялся он. – Не дай тебе бог столкнуться с ним. Страшный человек.

Канкан закончился. Танцовщицы, одна за другой, спустились со сцены и скрылись за боковой дверью. В ту же секунду, отодвинув ширму, из кабинета вышел Самсон и прошел вслед за ними.

Не успели Головин и Матвеев обсудить достоинства и недостатки понравившихся танцовщиц, как из боковой двери снова появился Самсон. В сопровождении переодетых в вечерние костюмы Нади Кислицыной и Оксаны Марфиной, он прошел через зал и скрылся в кабинете, из которого вышел несколькими минутами ранее.

Головин выругался.

– Ты чего? – удивленно посмотрел на него Александр.

– Ничего! Просто Тяж с Самсоном, кажись, сегодня настроились с девочками повеселиться!

– А тебе всю ночь их в машине ждать! – догадался Матвеев. – Ну, ну.

Он засмеялся. Посоветовав Юре идти работать на завод, подвинул к себе тарелку с овощным салатом и взялся за вилку.

Через полчаса Самсон появился еще раз. С озабоченным видом быстрым шагом прошагал до боковой двери и скрылся за ней.

А буквально через несколько минут в ресторан ворвался отряд ОМОНа.

Опрокидывая попадавшие на пути стулья, бойцы первым делом бросились в кабинеты. Затем обследовали подсобные помещения и только после этого принялись проверять документы у тех, кто находился в общем зале.

Показывая свое удостоверение и отвечая на вопросы милиционеров, Матвеев краем глаза успел заметить, как из кабинета, откуда только что вышел Самсон, заломив руки за спину, выволокли какого-то здорового парня.

– Тяж! – глядя на здоровяка, прошептал одними губами внезапно побелевший Головин, и низко опустил голову».

27 февраля

На этот раз Полина была в длинной шерстяной юбке и изящной кофточке. Она вышла на середину комнаты и, приподнявшись на цыпочки, с интересом осмотрелась по сторонам.

Отметив, что ничего с момента ее последнего прихода не изменилось, она перевела взгляд на Романова и, капризно сжав губы, попросила не томить.

– Ну, показывайте же, я жду!

Растягивая удовольствие от встречи, Романов нарочито неспешно сел на диван.

– Как здоровье? Как дела? – посмотрев Полине прямо в лицо, поинтересовался он. – А у меня всё хорошо, спасибо.

– Ой, извините! Скажите, как ваши дела? – воскликнула Полина. И тут же засмеялась, поняв, что задала вопрос, ответ на который уже прозвучал.

Романов довольно кивнул. Положил ногу на ногу и задал еще один вопрос:

– Скажите, а почему вы всё время улыбаетесь?

Полина на мгновение задумалась. Пожала плечами и, сцепив руки за спиной, медленно прошлась по комнате.

– Не знаю... Наверное, оттого, что я долго занималась народными танцами. В ансамбле от нас постоянно требовали улыбаться даже во время репетиций. Вот, видимо, с тех пор улыбка ко мне и приклеилась.

– Понятно, – вздохнул Романов.

Тяжело встав с дивана, он поправил брюки. Сказал, кивнув на стол, что рукопись в папке.

Полина быстро подошла к столу. Вытащила из бумажной папки отпечатанные листы и, сев на стул, с интересом принялась за чтение.

Романов, дабы не мешать ей, подошел к окну. Скрестил руки на груди и, раскачиваясь взад-вперед, принялся наблюдать за тем, как во дворе его дома мальчишки играли в хоккей.

Он не любил хоккей. И, тем не менее, наблюдая за ходом бестолковой, по его мнению, игры, он пришёл к мысли о том, что в будущем любого человека нет ничего такого, ради чего стоило бы торопиться взрослеть, поскольку взрослость – это не что иное, как время несбывшихся детских надежд.

С этой мыслью Романов задернул шторы. Отошел от окна, и встав у Полины за спиной, спросил:

– Ну, как, много прочитали?

Полина подняла голову. С любопытством посмотрев на него, спросила: за что он так не любит танцовщиц.

– Кто? – удивился Романов. – Я?

– Ну да! Иначе, я думаю, вы бы не написали... – она наклонилась над рукописью и, отыскав глазами нужное место, процитировала: – Вот: «захмелевший Матвеев во все глаза глядел на сцену и не мог понять, что это такое: танец или стриптиз. Почти обнаженные девицы с одинаковыми прическами и цветом волос высоко задирали ноги, громко визжали, и то и дело показывали публике голые задницы». Ну что это, в самом деле?

– А что, вы считаете: этих девиц можно назвать танцовщицами?

– Конечно! – горячо произнесла Полина. – Возьмите, к примеру, Бориса Моисеева. Его тоже трудно назвать танцором в привычном понимании этого слова, однако, скажите, у кого повернется язык утверждать, что его шоу не являются искусством?

– У меня повернется! По-моему, его танцы хороши только тем, что во время их исполнения он не поет. Шучу, конечно. А если говорить серьезно, для меня разница между профес-

сиональным танцором и вашим Моисеевым такая же, как между начинающим музыкантом, срывающим овации после исполнения красивой пьески, и маэстро-виртуозом.

Полина выпрямилась и, поджав губы, обиженно произнесла:

– Вы рассуждаете как дилетант! Я полжизни танцевала... Да что там я! Я знаю людей, танцоров от Бога, которые отдали бы душу только за то, чтобы достичь половины того, чего сумел добиться Моисеев... Это – большой артист! Что же касается танцовщиц варьете, то у каждой из них за плечами профессиональная подготовка и богатый опыт выступлений на сцене. Кроме того, все они выдержали большой конкурс...

– У кого ноги длиннее, – вставил Романов.

– Да! Представьте себе, и это тоже! Кроме мастерства, они, между прочим, еще должны соответствовать определенным стандартам.

– Каким?

– Быть не маленькими, то есть не ниже ста семидесяти пяти сантиметров, и одновременно не очень высокими.

– Ага, – задумался Романов, – дайте-ка, я тут исправлю.

Он взял из рук Полины рукопись и после слов: «...почти обнаженные девицы...», – вставил фразу «одного роста».

– Так, что у нас получилось? – пробормотал он, внося изменение в текст. «...Почти обнаженные девицы одного роста, с одинаковыми прическами и цветом волос высоко задирали ноги...» хм-м, ну и так далее.

– Да, кстати! – внезапно вспомнила Полина. – А почему у вас в рассказе Юра Головин пьет?

– А почему бы ему не пить? – удивился Романов.

– Ну, как же? Ведь он за рулем!

Романов пренебрежительно махнул рукой. Сказал, что за десять лет, которые он водит машину, еще ни разу не встречал водителя «Мерседеса» абсолютно трезвым.

Полина хотела возразить, но передумала.

– Вообще-то, это не принципиально.

Романов согласился: действительно нет. После чего отложил рукопись в сторону и предложил госте чай.

Сев за кухонный стол, Полина снова взялась за рукопись. Прочитала несколько строчек и, отложив ее в сторону, пожаловалась на плохое освещение.

– Ничего не разберу!

– Давайте я сам. – Романов вытер руки кухонным полотенцем и, отодвинув табурет, сел рядом. – На каком месте вы остановились?

– На том, где омоновцы арестовали Тяжа.

Романов взял рукопись. Смахнул с листа попавшую под руки крошку и, набрав в рот воздуха, принялся за чтение:

«Прошло около двух лет.

Просидев три часов в мэрии на заседании комиссии по подготовке празднования Первомая, Матвеев вышел на остановку. Не успел он поднять руку, чтобы остановить проезжавшее мимо такси, как перед ним, сделав крутой поворот, притормозил черный «Мерседес» с тремя шестерками на регистрационном номере. Из кресла водителя вылез Юрий Головин. Не обращая внимания на притихшую при его появлении толпу пассажиров, он с серьезным лицом обошел машину, открыл перед Матвеевым боковую дверь и, согнувшись в легком поклоне, произнес:

– Извините за опоздание, сэр. Прошу вас, сэр.

– Спасибо, Джордж.

Сделав замечание Головину за грязное пятнышко на лобовом стекле, Александр сел на переднее сиденье и громко, так, чтобы все услышали, приказал отвезти себя в Матвеев-хаус.

– Слушаюсь, сэр. – Головин захлопнул за Александром дверцу, смахнул рукавом куртки пятнышко на стекле и сел за руль.

– Ох, кто-то у меня сейчас получит, фейсом об кар, сэр! – сказал он, заводя двигатель автомобиля.

– У меня другое предложение! – ответил Александр. – Давай-ка, мы сейчас поедem ко мне домой, и там быстренько напьемся... Ну, как?

Юра подумал и отказался.

– Извини, старик. Предложение, действительно, заманчивое, вот только дел у меня невпроворот.

– Что так?

– Да накопилось всего... Через неделю Тяж откинется, надо ехать встречать. А тут, как назло, с двигателем проблемы. Да и с похоронами попросили помочь. В общем, совсем зашился. Давай как-нибудь в другой раз.

– Ну что ж, давай в другой раз, – согласился Александр. – А кто помер-то?

– Да, – Юра махнул рукой, – у одного моего кореша, можно сказать, брата, подругу замочили. Представляешь, прямо в собственной квартире. Так изуродовали, жуть! Меня, когда я это увидел, чуть не вырвало.

– Это Оксану, что ли? Как её фамилия-то? – наморщив лоб, Матвеев вопросительно посмотрел на Головина.

– Марфина. А ты откуда ее знаешь?

– Здрасьте! Она же в кабаке тогда танцевала, когда нам вечер менты обломали. Забыл?

– Ах, да! – вспомнил Юрка. – Было такое дело.

– Кстати, чем там с Тяжем дело-то закончилось?

– А ты не знаешь?

– Нет.

– Да ты что? Ну... – загудел Юрка. – Короче, слушай... Менты, когда шмонали Тяжа, нашли у него в куртке бокс, то есть, коробок анаши. И впаяли ему, болезному, за это почти два года. Понял?

– Ничего себе!

– А что самое интересное, знаешь? – Юра сделал паузу и с усмешкой посмотрел на Матвеева. – Тяж клялся, что еще за пять минут до появления ментов у него в куртке ничего, кроме презервативов, не было.

– Да ты что! – ахнул Александр. – Менты подкинули?

Головин задумчиво пожал плечами.

– Может, и они, а может... – он сделал многозначительную паузу, – не они.

– Не понял! А кто тогда?

Юра бросил на Матвеева быстрый взгляд.

– Помнишь, ко мне в тот вечер Самсон подходил?

– Ну. Он у тебя тогда еще травку стрельнул.

– Точно... Так вот, я всё думаю, не ее ли нашли тогда у Тяжа?

– А... – Матвеев хотел было что-то сказать, но тут до него дошел смысл фразы, сказанной Головиным, и он тотчас забыл свою мысль.

– Вот такие, блин, пироги с котятами! – подытожил Головин. – Их едят – они пищат.

– А ... а Тяж об этом знает?

Юрка отрицательно покачал головой.

– В этом-то вся проблема... Понимаешь, если, не дай бог, он разнюхает, что травку ему подбросил Самсон, я не отмажусь до конца своих дней. Точно тебе говорю! Посуди сам – травка-то моя. Как я докажу Тяжу, что не знал, для чего она предназначалась?

– Тогда не говори ему ничего.

– Не говори, – усмехнулся Юрка. – Тяж уже через неделю будет в городе, и я представляю, какой тут шмон начнется. Помяни мое слово, он всех на уши поставит, только чтобы докопаться до того, кто его подставил. И не дай бог, если узнает, как к Самсону попала анаша! Всё, братан, мне крышка.

– Тогда скажи.

– А скажешь – как докажешь, что ты тут не при чем?.. Словом, куда ни кинь – всюду клин.

Остановив «Мерседес» у подъезда пятиэтажного дома, где жил Матвеев, Головин, широко растопырив пальцы, протянул Александру ладонь.

– Ладно, война план покажет, – сказал он бодрым голосом. – Нечего раньше времени сопли распускать. Правильно я говорю?

– Правильно!

– Я тоже так думаю! Будем живы, не помрем, как говорится! Ну, ладно, будь здоров, веди себя хорошо!

– Постараюсь

– Давай!

Пожелав Головину удачи, Матвеев пожал ему рук и вышел из машины.

Не успел он сделать и пяти шагов, как его окликнул Головин.

– У меня к тебе, Санёк, вот еще что...

– Говори.

Головин подошел к нему.

– Если со мной вдруг что случится, – прошептал на ухо, – ты это... Ирке помоги, ладно?

– Да ты чего, Башка? – возмутился Матвеев.

– Подожди, не бухти! Слушай меня внимательно... Она передаст тебе одну вещь. Дорогую. Получи за нее бабки и половину отдай Ирке. Другую половину можешь оставить себе. Договорились? Только, смотри, меньше, чем за двадцать тысяч баксов не соглашайся. Понял?

– Ты чего, Башка?

Головин развел руками.

– Чего, не чего, а два человека, связанных с арестом Тяжа, уже того... тью-тью!

Александр удивленно заморгал.

– Брось, не шути!

– Вот те и брось! Марфину замочили? Замочили! Ты что, думаешь, она сама себя изуродовала что ли? А еще, что б ты знал, в тот же день Надька Кислицына пропала. Весь город два дня ее искал. Прикинь: воры не воровали, грабители не грабили, хулиганы не хулиганили, некогда было – все искали подружку Самсона... Комедь!

– Ни фиги себе! Ну да, правильно! Они же тогда с Тяжем за одним столом сидели, когда его менты вязали!

– Теперь понимаешь? Выходит, надо и мне быть готовым ко всему. – Юрка хлопнул Александра по плечу. – Ну что, сможешь, в случае чего?

– Конечно. А как ты думаешь, кто это их, а?

Юрка взял Александра за пуговицу плаща и зашептал в самое ухо:

– Либо Самсон, либо Тяж. Больше некому!

– Почему?

– По кочану. Если Тяжа подставил Самсон, то Самсону надо обязательно убирать свидетелей, то есть Надьку, Оксану и меня. Так?

– Так.

– А теперь представь, что Тяж на зоне узнал, кто именно ему подкинул травку. Тогда что?

– Тогда, надо полагать, он прикажет убить тех, кто это сделал.

– Правильно! – прошептал Юрка. – И опять, заметь, все тех же: Надьку и Оксану.

– Ты думаешь, это они?

Продолжая держаться за пуговицу плаща, Головин пожал плечами.

– А кто еще? По крайней мере, Надька, если бы Самсон приказал ей, сделала бы это точно. Да он и сам мог... Ты обратил внимание на то, как Самсон буквально за несколько минут до облавы выскочил из кабинета? Как ошпаренный! Будто знал, что случится.

– Да, обратил, – ответил Александр. – А за что он Тяжа-то так?

Головин пропустил женщину, вышедшую из подъезда. Дождавшись, когда та удалится на приличное расстояние, прошептал:

– Только, Санёк – никому! Понял?

– Могила!

– Тяж хапнул у Самсона триста тысяч баксов. Вот.

– Ни фиги себе!

– Только я прошу тебя...

– Всё, Юр, я понял, не повторяй.

– Ну и хорошо, что понял.

Неохотно, с таким видом, будто расстается с дорогой вещью, Головин отпустил пуговицу плаща. Тяжело вздохнув, погладил ее:

– Ладно, прощаться не будем. Уже и так два раза прощались. – Он отошел в сторону и погрозил Александра пальцем. – Смотри, обещанье не забудь!

– Не забуду! – пообещал тот. – А ты как немного освободишься, приезжай в гости, буду рад.

Головин кисло улыбнулся и, не спеша, направился к машине».

Закипел чайник. Романов встал из-за стола и подошел к газовой плите.

Пока он заваривал чай, Полина взяла рукопись и быстро перелистала ее, прикидывая на глаз количество оставшихся непрочитанных листов. Задумалась и с довольным видом произнесла:

– Хорошо. Но, по-моему, вы недостаточно ясно дали понять, что это именно Самсон подбросил Тяжу наркотики.

– Вы так считаете?

– Да. У меня, как у читательницы, остались в этом некоторые сомнения. А их быть не должно. И потом... Головин в вашем рассказе велел Александру взять за видеокассету двадцать тысяч долларов. А у меня, помнится, было написано – тридцать.

Романов не стал спорить. Молча достал из кухонного ящика ложки, чашки, украдкой, так чтобы не заметила Полина, скovyрнул засохшее пятно на краешке блюда и выставил посуду на стол.

– Какое варенье предпочитаете? Яблочное? Клубничное? – спросил он, рассматривая содержимое холодильника. – Есть малиновое.

– А мёд у вас есть?

Романов с сожалением покачал головой.

– Мёда у нас нет.

– Тогда я попью чай просто так, без всего.

Василий достал клубничное варенье, закрыл холодильник и сел за стол.

«В дни, когда Матвеев занимался подготовкой репортажа о каком-либо важном политическом событии, особенно если масштаб этого события соответствовал масштабу его профес-

сиональных амбиций, он совершенно забывал обо всем, что напрямую не касалось работы. Поэтому ему потребовалось некоторое время для того, чтобы отвлечься от мыслей о предстоящем репортаже и, отвечая на телефонный звонок Ирины Каюмовой, вспомнить о существовании бывшего одноклассника Юры Головина, тем более что повод для этого был самый существенный – по словам Ирины, три дня назад Головин был найден убитым в кювете пригородного шоссе.

Собравшись с мыслями, Матвеев, как и полагается в подобной ситуации, выдержал приличествующую паузу, после чего произнес несколько стандартных фраз сожаления. Каюмова, молча, выслушала, и как только он иссяк, сухо сообщила о видеокассете, которую Юрий, в случае своей смерти, завещал передать ему, Александру Матвееву.

У Александра не было ни желания, ни возможностей заниматься проблемами умерших одноклассников. И чтобы как можно скорее завершить разговор, пообещал Ирине в самое ближайшее время обязательно заглянуть к ней в гости.

Так получилось, что уже на следующее утро Матвеев оказался рядом с ее домом. Несмотря на катастрофическую нехватку времени, он решил не откладывать дела в долгий ящик, а выполнить свое обещание.

Всё получилось так, как он и предполагал. Каюмова не пустила его даже на порог. Едва поздоровавшись, она сунула ему в руки бумажный сверток, в котором лежала видеокассета, и тут же захлопнула дверь.

На кассете было снято ограбление Тяжем курьера, перевозившего деньги Самсона.

Съёмка велась из машины,двигающейся по мокрой от дождя трассе, ведущей в аэропорт. Сначала в кадре были видны джип «Гранд Чероки» и Фольксваген «Пассат». После того, как навстречу «Гранд Чероки» из машины ГИБДД выскочил милиционер и остановил его, в кадре появился стоявший на обочине черный «Мерседес» с номерным знаком шестьсот шестьдесят шесть. Из него вышел Тяж, которого Матвеев ранее видел в ресторане «Вечерние огни». «Пассат» притормозил. Тяж забрался в него и почти тут же вылез обратно. В одной руке у него был пистолет, а в другой – сумка с надписью «Адидас». Тяж выбросил пистолет в придорожные кусты, сумку закинул на заднее сиденье своего «Мерседеса», сел за руль, развернулся и спокойно на малой скорости поехал в город.

Матвеев трижды просмотрел этот эпизод и трижды пожалел о том, что ввязался в это дело.

«За эту пленку могут убить, – подумал он.

Потом немного подумал и добавил:

«А могут и заплатить. Тысяч примерно двадцать...»

– Тридцать! – поправила Полина.

– Тысяч тридцать, – повторил Романов.

«Матвеев серьезно задумался. И чем больше он думал над тем, как ему продать эту пленку и при этом не выдать себя, тем явственнее представлял план будущих действий.

Он взял лист бумаги и написал:

«Петракову Сергею Захаровичу – Самсону».

Если Вас интересует видеокассета, на которой снят эпизод ограбления «Фольксвагена Пассат» неким хорошо Вам известным лицом, прошу упаковать двадцать тысяч долларов...»

– Тридцать тысяч! – снова поправила Полина.

«...тридцать тысяч долларов в плотный полиэтиленовый пакет и утром второго мая на железнодорожном вокзале отдать его крайней в ряду торговке семечками для дальнейшей переадресовки мальчику в красной бейсболке. После получения мною денег, обязуюсь доставить интересующую Вас видеокассету. Аноним. P.S. В случае, если Вы станете следить за мальчиком, договор будет расторгнут в одностороннем порядке».

Матвеев вложил письмо в конверт. Заклеил его, позвонил в ресторан «Вечерние огни», узнал его адрес и отправил по нему свое послание.

Казалось, полгорода собралось праздничным утром второго мая на железнодорожном вокзале. Люди, за долгую зиму соскучившись по огородным наделам, штурмом брали пригородные электрички и поезда местного значения. Площадь перед вокзалом была забита людьми и транспортом, ежеминутно подвозящим садоводов. А немного в стороне, возле автобусной остановки, выстроившись в ряд, стояли окруженные покупателями торговки семечками. Именно к одной из них, крайней, и подошел подросток лет пятнадцати в красной бейсболке. Подождав, когда торговка рассчитается с покупателем, мальчик вежливо спросил у нее, не оставлял ли кто-нибудь для него полиэтиленовый пакет. Женщина недоверчиво осмотрела его с головы до ног и, немного подумав, вытащила из кошелки черный сверток. Поблагодарив, мальчик взял сверток, и не торопясь, направился к зданию вокзала. Войдя в него, встал в очередь, ведущую к ручной камере хранения и, терпеливо отстояв ее, сдал сверток. Потом подошел к лотку, на котором были разложены открытки с конвертами, и незаметно передал хозяину лотка квитанцию о хранении багажа. Матвеев – хозяин лотка, сразу после этого свернул торговлю. Получил в ручной камере хранения пакет с деньгами и поехал в город. На остановке бросил в почтовый ящик конверт для Самсона, в который была вложена бумажка с номером и кодом автоматической камеры хранения, где лежала интересующая его видеокассета, и отправился к Каюмовой».

Бросив быстрый взгляд на внимательно слушающую его Полину, Романов продолжил чтение.

«Несмотря на данное Головину обещание, Матвеев не стал бы связываться с этими деньгами, если бы они не предназначались Ире Каюмовой. Александру в этот момент хотелось добавить: «его Ире», но Ира давно была не его, а он много лет женатый на другой женщине уже и не мечтал о том, что когда-нибудь еще раз произнесет эти сладкие слова вслух.

Он шел по городу, неся Каюмовой в пакете тридцать тысяч долларов, и при этом испытывал те же чувства, которые в последний раз испытывал двадцать с лишним лет назад, когда, оборвав палисадник соседнего дома, спешил с букетом белых георгинов на свое первое свидание. Он и сейчас спешил как на свидание. Спешил и с горечью думал о том, что на самом деле тридцать тысяч – не такие уж большие деньги, если на них нельзя купить самого необходимого, что требуется человеку – любви и утешения для одной маленькой женщины с карими глазами.

Матвеев подошел к двери, за которой жила Ира Каюмова, и, сделав несколько глубоких вдохов, позвонил.

Пока она шла, а затем долго открывала замки, в его голове рождались и умирали тысячи ласковых слов, какими он собирался через секунду осыпать ее с головы до ног, подобно тому, как двадцать с лишним лет назад осыпал ворохом белых георгинов кареглазую девчонку. Ему казалось, еще мгновение, и он, не выдержав, начнет говорить через дверь... Но вот дверь открылась, на пороге показалась Ира Каюмова, и Александр, еще секунду назад не знавший, какие слова ему выбрать из множества самых красивых и нежных слов, внезапно забыл их. Все, до одного... Он смотрел на нее, беспомощно шевеля губами, и молчал.

Увидев состояние Матвеева, Ирина отошла в сторону.

– Ну, проходи, раз пришел. – Она сказала это так, как будто оказывала ему одолжение.

Александр проглотил комок в горле и, по-прежнему оставаясь за порогом, медленно покачал головой.

А потом, вспомнив о цели своего визита, протянул сверток.

– Это тебе... От Юры... Юра просил передать тебе это.

Ирина раскрыла пакет и, увидев его содержимое, вопросительно посмотрела на Матвеева.

– Здесь тридцать тысяч, – сказал тот. – Все они твои.

С этими словами он развернулся и, больше ничего не говоря, выбежал из подъезда.

Оказавшись на улице, Матвеев глубоко вздохнул. Немного успокоившись, обругал себя за то, что поддался настроению и снова, чуть было не совершил большую глупость, попытавшись еще раз войти в одну и ту же реку.

«Не возвращайтесь к былым возлюбленным, былых возлюбленных на свете нет. Есть дубликаты...»

Всю дорогу до дома он утешал себя строчками из Андрея Вознесенского, и в который раз мысленно просил прощения у некогда брошенной им Иры Каюмовой. Ему хотелось добавить: «его Иры», но Ира по-прежнему была не его, а он ничего другого, кроме возможности хоть иногда произносить эти сладкие слова вслух, уже не хотел.

Придя домой, Матвеев долго с открытыми глазами лежал на диване и слушал то, как его маленький сын, переставляя на ковре оловянные фигурки солдат, бубнил придуманную им самим историю противоборства двух сказочных властителей.

– Послушай, – перебил его Александр. – Как ты думаешь, кто, по-твоему, сильнее? Старый, умный, много отсидевший... то есть, много повидавший закаленный в боях король или молодой, менее опытный, зато более кровожадный и беспринципный его сосед королевич?

Мальчик немного подумал и спросил:

– А что, король намного старше королевича?

– Намного. Лет примерно на двадцать.

Мальчик опять немного подумал и сказал, что, по его мнению, из двоих сильнее тот, кто нападет на своего противника первым.

Давно оставивший все попытки логически разобраться в умозаключениях сына, Матвеев не стал допытываться, на чем основывается его решение, тем более, что и этот и большинство других выводов ребенка чаще всего совпадали с его собственными.

Часы пробили девять раз.

Сын ушел в свою комнату готовить уроки, а Матвеев, оставшись в одиночестве, натянул на плечи махровый плед, зевнул и повернулся лицом к стене».

Перевернув последнюю страницу, Романов подержал рукопись на весу.

– Всё! – небрежно бросил ее на стол. – Я, как мог, переложил ваш сюжет... Увы! Лучше, к сожалению, не получилось. Извините.

Все то время, пока он читал рассказ, Полина задумчиво водила пальцем узоры на столе.

– Нет... хорошо, – улыбнулась ему. – Конечно, насчет Каюмовой и журналиста вы немного загнули, но... В общем, мне понравилось... А скажите, – спросила она после небольшой паузы, – это вы сами придумали про Каюмову и их взаимоотношения, или у вас тоже был похожий случай?

Романов пожал плечами.

– Трудно сказать. Что-то похожее, конечно, было. Но говорить о том, что этот эпизод снят из-под копирки, я бы не решился.

– Ну, хорошо, – не унималась Полина. – А когда вы бросали женщин, вы тоже чувствовали перед ними вину?

Романов замялся. Что-то он, безусловно, чувствовал, вот только назвать это чувство виной ему не позволяла совесть.

– Да как вам сказать, – промямлил он, стараясь не глядеть на Полину, – в общем, конечно, да... Понимаете, дело в том, что меня бросали чаще, а значит, переживания отвергнутого человека мне известны гораздо лучше.

– Что, и жена вас бросила? Или всё-таки вы ее?

– Я же говорю, меня бросали чаще! – с раздражением ответил Романов.

Поднявшись из-за стола, он подошел к холодильнику. Вынул блюдо с маслом и, недовольно осмотрев его со всех сторон, поставил обратно.

После неловкого молчания Полина вежливо извинилась за неуместные, по ее мнению, вопросы.

– Не извиняйтесь, я сам виноват. – Романов взял ложку, размешал в заварнике чай и, стараясь унять раздражение, глубоко вздохнул. – Видите ли, однажды я возомнил себя богом. А он, как вам должно быть известно, этого ой как не любит.

Романов разлил по чашкам чай. Взял чашку, поднял ее на уровень глаз и, прищурившись, сквозь пар задумчиво посмотрел на Полину.

– Знаете, когда бедный человек внезапно становится богатым, особенно, если все вокруг по-прежнему перебиваются с хлеба на воду, он меняется. В худшую ли сторону, в лучшую ли, это другой вопрос. Главное, что он меняется. Разбогатев, многие начинают задаваться вопросом: что в них есть такого, чего нет у других? Почему они в конце отчетного квартала подчитывают барыши, а их одноклассники-отличники – дни до получки? Почему их уважают, а тех, кому они еще недавно почитали за честь пожать руку, нет. И первое, что им тогда приходит в голову, мысль об исключительности. То есть о сумме неких качеств, отличающих, к примеру, нобелевского лауреата от второгогодника, триумфатора от побежденного, а чемпиона от аутсайдера. И чем больше они упиваются подобными сравнениями и выискивают различия между собой и остальными, тем больше сами себя убеждают в том, что они не такие, как все, а значит, заслуживают неизмеримо большего, чем остальные. Понимаете? А самое паршивое в этой ситуации то, что такие вот...

– Нувориши, – подсказала Полина.

– Да, – согласился Василий. – Нувориши, набобы, парвеню, Романовы, назовите их, как хотите, и вправду имеют все основания так считать! Потому что те люди, которые еще недавно не замечали их, теперь глядят им в рот, те, кто раньше смотрели свысока, смотрят, не скрывая зависти, снизу вверх, а в итоге нашему герою ничего не остается, как прийти к выводу о том, что... – Романов помахал пальцем над головой.

«...впору с богами соседствовать мне!

Да что там – с богами! Я сам из богов!

Движенье созвездий и ход облаков
решительно благоприятствуют мне».

Вот и я, подобно Левитанскому, однажды возомнил себе бог весть кем, и решил, что мне – успешному бизнесмену – всё вокруг благоприятствует, что я – накопивший трудами праведными чуть ли не полмиллиона долларов – достоин не такой жены, как у других... Понимаете?

Полина согласно кивнула. Сказала, что его жена, наверное, была очень красивой.

– Красивой? Наверное. Да дело даже не в этом. Она была той, кого я искал. Как бы вам объяснить... – Романов замешкался, не зная, как точнее выразить свою мысль. – Взять, к примеру, божью коровку. Её красный окрас является предупреждением о том, что к ней опасно прикасаться...

– Я знаю.

– А моя бывшая жена выглядела и вела себя так, что ни одному здравомыслящему человеку, если он не являлся большим начальником, преуспевающим бизнесменом или просто известной личностью, и в голову никогда бы не пришло ухаживать за ней. – Романов засмеялся. – Знаете, это как в бизнесе. Хочешь избежать конкуренции – сбрасывай цены или переводи свой товар в разряд престижных.

– То есть, вы хотите сказать, что ваша жена перевела себя в разряд престижных женщин?

– Ну, что вы? – возмутился Романов. – Никуда она себя не переводила! Она всегда считала себя таковой. Причем, уверяю вас, совершенно искренне!

– И именно поэтому вы выбрали ее, женщину-престиж?

Романов зажмурился от удовольствия. Ему было приятно вспоминать об этом времени.

– Да, – сказал он. – То есть это скорее она выбрала меня. По крайней мере, если бы я не соответствовал ее жестким стандартам, ничего бы у нас не вышло.

– А почему вы расстались?

– Я разорился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.